

Наши с Вовкой разговоры

Про меня и про Вовку

Я живу с папой, мамой и сестрой Катей. В большом доме рядом со школой. В нашем доме ещё живёт Вовка. Мне шесть с половиной лет, и я в школу пока не хожу. А Вовка во второй класс ходит. Мы с ним очень большие друзья, только он дразниться любит. Например, он нарисовал рисунок: дом, солнце, дерево и корову. И говорит, что нарисовал меня, хотя каждый скажет, что там меня нет. А он говорит: «Ты здесь, ты за дерево спрятался». Или ещё что-нибудь такое.

Однажды он меня спрашивает:

— Знаешь что?

Я ему отвечаю:

— Не знаю.

— Эх, ты, — говорит, — не знаешь!

— Как же я могу знать?

— А я знаю, на небе звёзды есть.

— Это и я знаю.

— Что ж ты сразу мне не сказал? — И смеётся. — Вот в школу пойдёшь, всё будешь знать.

Я подумал немножко, потом говорю:

— Знаешь что?

— Чего?

— Эх, ты, — говорю, — не знаешь!

— Чего не знаю?

— Что я с тобой рядом стою. А ещё школьник!

Вовка сразу обиделся.

— Мы ведь с тобой друзья, — говорит, — а ты дразнишься.

— Это ты, — говорю, — а не я дразнился.

С тех пор Вовка стал меньше дразниться. Потому что я передразнил его. Но всё-таки он иногда забывал и опять начинал дразниться. И всё потому, что он в школу ходит, а мне в школу никак нельзя.

Про то, как я решил в школу пойти

В прошлом году со мной вот что случилось...

У Вовки был способ запоминать. Если Вовка хотел что-нибудь запомнить, он вслух пел. Я тоже запомнил, как Вовка пел буквы: «А-а-а-а бвгд-э-э-э...»

Хожу и пою во всё горло. Получалось всё как у Вовки. Только Катя мне очень мешала. Она ходила за мной и тоже пела. Ей всего только пять лет, а она всюду лезет. Во все дела свой нос суёт. У неё несносный характер. От неё никому нет покоя. Она много бед натворила: разбила графин, три тарелки, две чашки и банку с вареньем. Я в ванной заперся буквы петь. А она в дверь стучит и плачет. И чего человеку нужно! Зачем ей со мной петь? Непонятно. Хорошо, мама её увела, а то я бы спутал буквы. А так я всё прекрасно запомнил.

Пришёл в Вовкин класс и сел за парту. Какой-то мальчишка стал гнать меня, а я в парту вцепился и не ухожу. Ему пришлось сесть за другую парту.

Учитель сразу заметил меня. Он спросил:

— Ты откуда, мальчик?

— Мне девять лет, — соврал я.

— Не похоже, — сказал учитель.

— Я сам пришёл, — сказал я, — я могу буквы петь.

— Какие буквы?

— А-а-а-а бвгд-э-э-э...

— А дальше как? — спрашивает учитель.

— А разве ещё буквы есть?

— Конечно, есть. — И показывает мне книжку.

Ох и много там букв! Я испугался даже.

— Я не могу столько, я ещё маленький...

— А ты думал, что ты уже большой?

— Я не думал, что я такой маленький. Я ростом как Вовка.

— А кто такой Вовка?

— Вон он сидит, — сказал я. — Мы с ним мерялись...

— Врёт он! — крикнул Вовка. — Я выше!

Все засмеялись. Учитель сказал:

— Я вам верю обоим. Тем более, что вы мерялись. Но ты ведь всех букв не знаешь.

— Это верно, — сказал я. — Но я их выучу.

— Вот когда выучишь, приходи. А сейчас рановато.

— Обязательно, — говорю, — приду. До свидания.

— До свидания, — говорит учитель.

Вот как всё получилось!

Я думал, Вовка дразниться будет.

Но Вовка не стал дразниться. Он сказал:

— Не горюй. Тебе ждать только два годика. Это совсем немного ждать. Другим ждать гораздо больше. Моему брату пять лет надо ждать.

— Я не горюю...

— Чего горевать!..

— Нечего горевать, — сказал я. — Я не горюю...

На самом деле я горевал. Но я не показывал этого.

— У меня букварь лишний есть, — сказал Вовка. — Один букварь мне папакупил, другой — мама. Хочешь, я тебе дам букварь?

Я хотел ему дать взамен ленту гвардейскую. Он давно у меня эту ленту просил. А он ленту не взял.

— Я за букварь, — говорит, — ленту брать не буду. Учись, пожалуйста. Мне не жалко.

— Тогда просто так, — говорю, — возьми ленту.

— Просто так можно.

— Я тебе дал бы свой сон, — говорю. — Но сон никак нельзя дать. Ты ведь знаешь.

Дело в том, что Вовке петухи всегда снятся. И ничего другого не снится. Он сам мне про это рассказывал. А мне разные сны снятся. Как я по горам лез, ох и трудно было! Я даже проснулся. Как я вратарём стоял. Сто мячей поймал.

— А мне всё петухи... — вздохнул Вовка. — Так скучно!

— А ты гони их.

— Как же их гнать? Ведь они во сне...

— Всё равно гони.

Мне очень хотелось ему помочь. Чтобы ему снились нормальные сны, а не петухи какие-то. Но что я мог поделаться! Я с удовольствием отдал бы ему свой сон!

Про единицу и двойку

Сегодня Вовка пришёл из школы злющий. Ни с кем говорить не хочет. Я сразу понял, в чём дело. Двойку, наверное, получил. Каждый вечер он во дворе играет, а тут вдруг дома сидит. Наверное, мама его не пустила. Уже один раз так было. Он тогда единицу принёс. И зачем люди двойки хватают? Да ещё единицы. Как будто нельзя обойтись без них. Несознательные, как говорит мой папа. Я непременно сознательным буду. Ведь от двоек всем горе — и папе, и маме... Может быть, в школе учиться трудно? Вон как Вовка страдает от этого. Сидит дома, во двор его не пускают. Тяжело, значит, в школе учиться. Вдруг и мне-будет трудно учиться? Мама будет меня ругать, ставить носом в угол, не пускать во двор поиграть с ребятами. Что это будет за жизнь? Нужно с Вовкой

поговорить. Узнать у него всё про школу. А то потом будет поздно. Я сам начну ходить в школу. Лучше уж всё сейчас узнать. Может быть, взять и уехать? Куда-нибудь на край света?

Вечером я спросил у папы, почему это Вовка двойки хватает.

— Он попросту лодырь, — ответил папа. — Он несознательный. Государство его бесплатно учит. На него педагоги тратят время. Для него школы построены. А он. знай себе двойки приносит...

Так вон какой Вовка! Он лодырь. Я даже себе представить не мог, как это можно! Ведь для него даже школу построили. Этого я не мог понять. Для меня если б школу построили... да я бы... я бы всё время учился. Из школы бы просто не выходил.

Я встретил Вовку на другой день. Он шёл из школы.

— Пять получил! — крикнул он радостно.

— Врёшь ты всё, — сказал я.

— Это я-то вру?!

— Потому, что ты лодырь!

— Ты что это?! — удивился Вовка.

— Лодырь ты, и всё. Так мой папа сказал. Понятно? Вовка стукнул меня изо всей силы в нос, потом толкнул

меня, и я упал в лужу.

— Получил? — крикнул он-. — Ещё получишь!

— И ты получишь!

— Смотрите какой! Ещё в школу не ходит!

— А ты лодырь!

К нам подошёл дядя Витя. Дядя Витя—лётчик. Мы его все очень любим. Он нас на самолёте катал.

— Мир, — сказал дядя Витя, — немедленно!

Я совсем не хотел мириться. Во-первых, нос

у меня болел ужасно, а во-вторых, раз Вовка лодырь... Но дядя Витя заставил. Пришлось помириться.

Дядя Витя повёл нас на улицу и купил по мороженому.

Мы молча съели мороженое. Вовка достал из кармана деньги и предложил:

— У меня вот тут деньги есть... Купим ещё?

Мы купили стаканчик мороженого и пополам съели.

— Хочешь ещё? — спросил я.

— Хочу, — сказал Вовка.

Я побежал домой, взял у мамы денег, и мы купили ещё стаканчик.

Мы опять стали с Вовкой друзьями. Как будто бы и не ссорились. Оказалось, он вовсе не лодырь. Двойку он получил случайно. Это вполне может быть со всеми. Вот как было дело: он решал задачу. Хотел точку поставить, и вдруг клякса — бац! Он хотел её промокашкой снять, а она расплзлась. Не Вовка же виноват, — всё проклятая клякса. Если б Не клякса, он пять получил бы. И единицу он получил случайно. Вот как было дело: он в окно посмотрел на какую-то птицу и забыл, что он в классе. И стал разговаривать с этой птицей. В это время его к доске вызвали — чтобы он повторил, что сейчас объяснили. А он ничего не смог повторить. Птица всё виновата. А Вовка тут ни При чём. Это каждому ясно.

Про Вовкину физкультуру

По физкультуре Вовка четвёртый по счёту. То есть он на четвёртом месте. Они там места себе распределили. По прыжкам в высоту—он первый в классе. А по всей физкультуре — четвёртый. Он по бревну ходить не может. Это, наверное, очень трудно. У них в зале есть такое бревно. Они там по бревну ходят. А Вовка падает. У него нет равновесия. «Я, — говорит он, — не тренировался, потому я с бревна падаю. А прыгаю я хорошо. Потому что я опытный. Я каждый день тренируюсь».

Утром он во дворе всегда прыгает. Днём тоже прыгает. Вечером прыгает. Всё тренируется. Через скамейку прыгает.

— Ну, как, — говорит, — хорошо получается?

— Замечательно, — говорю.

— А ну, — говорит, — смотри, как я сейчас...

— Я так не могу, — говорю.

— И я не мог. Всё тренировка! Уроки вот не успеваю делать, а так всё в порядке. Видишь, как прыгаю! А по бревну я последний по счёту. Зачем мне тренироваться?

Я удивился и говорю:

— Как же так?! Значит, больше надо ходить по бревну. А он говорит:

— Раз там последний по счёту, пусть и буду последним. Зато по прыжкам я первый! Я марку держу!

— Какую ещё такую марку?

— Спортивную, — говорит. — А ты думал какую?

— А зачем держать, — говорю, — эту марку?

— Ты, — говорит, — ничего не знаешь. Марку нужно держать. Вот и всё.

Мне совсем не было это понятно. По-моему, он ошибается. Ему надо ходить по бревну, а не марку держать. Я так думаю.

Про звёздочку

— Видал? — Вовка распахнул пальто. На груди у него была красная звёздочка.

— Я теперь октябрёнок. По-октябрятски жить буду!

Вовка сиял от счастья.

— Как это по-октябрятски жить?

— Эх, ты! Нужно знать октябрятские правила. Ведь я будущий пионер. Понятно? Это значит весело жить, трудиться, помогать старшим. Быть честным.

— А ещё что?

— ...хорошо учиться, любить школу, быть дружным.

— А ещё?

...петь, рисовать...А если я не хочу петь? Не хочешь, не пой, пожалуйста, вот чудак! А мне можно по-октябрятски жить? Видишь ли, — сказал Вовка, — как

сказать... Я думаю, что, конечно, можно. Вот, например, я подмёл пол сегодня. И ты вполне можешь это сделать. Конечно, могу. Ну вот, — продолжал спокойно Вовка, — ты можешь, конечно, это сделать. Но ты можешь этого и не делать. А мне нельзя. Я — октябрёнок!

Я завидовал Вовке.

Он такой счастливый. Ещё бы! У него звёздочка. Он октябрёнок. Он настоящий школьник. У него заботы, обязанности. А я могу ничего не делать...

Мне было так грустно!

— Ну, мне пора, — сказал Вовка, — дела не ждут.

Совсем другим человеком стал!

Про сложное дело

Я заболел. Я по двору без шапки бегал. Уже зима. Разве можно зимой без шапки бегать? А «я бегал. Вот и простудился.

Ко мне пришёл Вовка. Раньше он только дразнился, а теперь даже к больному приходит. Мы с _ним стали беседовать.

Вовка любит беседовать. И я тоже люблю беседовать. Поэтому мы и беседуем.

— Ты только не кашляй, — говорит Вовка. — Старайся не кашлять. Ладно?

— Я стараюсь, — говорю, — а всё равно кашляется.

— Значит, плохо стараешься, — говорит.

— Да нет, я хорошо стараюсь. Как только хочется кашлянуть, я всю щёки надую, и сперва не кашляется, а потом всё равно кашляется.

— Давай про дела говорить, — сказал Вовка. — Дела ведь бывают разные. Есть дела сложные, есть ерундовые. Вот в старших классах опыты делают. Делать опыты — очень важно. Тогда всё на свете поймёшь и всё будешь знать.

— Неужели всё? — удивился я.

— Почти что всё.

— А ты видел опыт когда-нибудь?

— Конечно, видел. В шестом классе опыт делали. Я в приоткрытую дверь

смотрел. Вот это был опыт! Там жужжала машина с большим колесом. Вот так — жжж! А вокруг летят искры.

— И всё?

— Ну конечно, всё. А чего же ещё? Этот опыт для важного дела. Он не просто так. Ты не поймёшь. Это всё очень сложно. Так Шурик сказал. Он шестиклассник. Он-то знает. У них там опыты делают, тысячи!

— Вот бы нам сложным делом заняться!

— Тебе ещё рано.

— А тебе?

— И мне рановато.

— Значит, нам двоим рано?

— Почти что двоим. Только я октябрёнок. Мне не так рано.

— А мне?

— И тебе, — сказал Вовка. — Скорей поправляйся.

В дверях Вовка махнул на прощание рукой и подмигнул.

Вот это друг!

Про то, кем мы будем

Ура! Я выздоровел.

Очень уж мне надоело болеть. Лежишь, в потолок глядишь... День глядишь, два глядишь... Никогда теперь простужаться не буду.

Мы вышли с Вовкой во двор. Вовка мне говорит:

— Хорошо, что ты выздоровел.

— Я давно хотел выздороветь, но никак не мог.

— Ну, теперь-то ты выздоровел.

— Теперь-то я выздоровел. Когда я лежал, я о будущем думал. Я хотел быть милиционером. А сейчас опытником хочу быть.

— Как это опытным?

— Ну разные опыты делать.

— А я художником буду. Я портрет Пушкина нарисовал. Цветными карандашами. Я, правда, не Пушкина рисовал, а просто так, кто получится. А у меня получился Пушкин. Мама спросила: «Это Пушкин?» Я удивился и говорю: «Ага, Пушкин». Потом к нам гости пришли. И всем очень понравилось. Говорят, настоящий Пушкин. Точь-в-точь получился. Я теперь буду всегда рисовать. Раз у меня талант есть.

— А ты себя можешь нарисовать?

— Себя я не пробовал рисовать. Но, наверно, смогу. Раз Пушкина смог, то себя нарисую. Пушкина ведь рисовать труднее. Я себя каждый день в зеркало вижу.

— И меня сможешь нарисовать?

— И тебя смогу. Тебя-то я и без зеркала вижу.

Долго мы так с ним беседовали. Вдруг видим: идёт по двору Шуркин папа; он капитан теплохода. Папа Шурика плавал в разные страны.

Он побывал везде на свете. Он даже в Африке был. Где река Лимпопо.

Мы долго глядели вслед капитану.

Потом Вовка сказал:

— Пожалуй, я капитаном буду.

Я подумал и говорю:

— И я, пожалуй, капитаном буду.

Про большую лопату

Вовка мне постучал в окно. Значит, дело есть.

Я надел шапку и вышел. У Вовки в классе — урок труда. Они там стругают палочки. По этим палочкам в первом классе считают.

А в старших классах лопаты делают, чтобы снег разгрести. И Вовка хотел лопату сделать. А учитель Пётр Ильич сказал: «Не сумеешь, малыш». — «Я не малыш», — ответил Вовка. «А кто же ты?» — спросил Пётр Ильич. «Я

октябрёнок». Пётр Ильич сказал: «Неужели?» Вовка тогда показал ему звёздочку. Пётр Ильич удивился и говорит: «Ну, тогда ты всё можешь!»

Так вот Вовка решил лопату сделать, а меня взять в помощники.

Я немедленно согласился.

Палку мы с Вовкой сразу достали. Пошли фанеру искать. Ко всем соседям ходили. У всех фанеру спрашивали. Любопытные все. Спрашивают, для чего нам фанера. А потом говорят: «У нас нет фанеры, а то с удовольствием дали бы».

Дядя Миша нам вынес заржавленный примус. Он думал^ нужен металлолом.

— Давай примус возьмём, — сказал я.

Вовка сказал:

— Нам примус тоже нужен. Но сейчас нам очень фанера нужна. А за примусом мы в другой раз зайдём.

Тётя Поля чуть-чуть приоткрыла дверь и закричала:

— Фанеры нет! Лома нет! Макулатуры тоже нет!

Фанеры не было ни у кого.

К вечеру мы на чердак забрались. Там кусок фанеры нашли, как раз для лопаты.

Вовка от радости стал плясать и петь песню:

Мы сделаем лопату!

Прекрасную лопату!

Чудесную лопату!

Отличную лопату!

Потом он кончил петь и сказал:

— Эх! Будет лопата! Мы ведь вдвоём её будем делать. Она у нас выйдет вдвое лучше!

Начали мы мастерить лопату. Лопата, конечно, — простая вещь. Но сделать её оказалось трудно.

Стали мы гвозди в фанеру вбивать. Один гвоздь вбили — мало. Фанера на палке крутится. Второй гвоздь стали вбивать — фанера треснула.

— Пропало всё, — сказал я.

А Вовка сказал:

— Я придумал. Давай вытащим гвозди. Перевернём фанеру и снова прибьём.

Мы так и сделали. Я дышать перестал, когда гвозди вбивали. Я всегда не дышу, когда какое-нибудь ответственное дело делаю. Мне казалось: а вдруг опять лопнет. Но все хорошо обошлось. Только я себе палец ушиб. И Вовка — два пальца.

Огромная получилась лопата. Выше меня и Вовки.

— Мы её будем вдвоём нести, — говорит Вовка. — Я впереди, ты сзади.

— Нет, уж лучше ты сзади иди, — говорю.

— Не хочу я сзади, — говорит Вовка.

— Что ж, по-твоему, я должен сзади плестись?

— А я должен сзади плестись?

Я подумал и так решил: по-моему, всё равно, впереди идти или сзади. По-моему, это одно и то же.

— Пожалуйста, — говорю, — шагай себе впереди. Мне не жалко.

— А мне, думаешь, жалко? — говорит Вовка. — Пожалуйста, где хочешь шагай. Мне всё равно.

— Напрасно мы из-за этого спорим, — говорю. — Из-за этого спорить совсем не стоит. Тем более, что мы можем оба идти впереди.

— Тогда мы всю дорогу закроем, — говорит Вовка.

— Люди поймут нас, — говорю.

Понесли мы лопату с песней.

Один прохожий сказал:

— Ого! Это лопата! В жизни не видел таких лопат! Ему очень понравилась наша лопата. Иначе он не сказал

бы так.

Принесли мы лопату в школу.

Весь Вовкин класс сбежался. Шумят. Кричат. Не поймёшь, нравится им она или нет. Потом Пётр Ильич подошёл. Осмотрел нашу лопату и, улыбнувшись, сказал:

— Вот так маленькие! Вы, ребята, совсем большие.

— А как же, — сказали мы, — конечно.

Про октябрятское дело

Я давно по-октябрятски живу. Не всегда получается, но я стараюсь. Ничего, что я не октябрёнок. Скоро я в школу пойду. Там меня в октябрята примут. Я все правила октябрятские знаю.

Иногда я помогаю маме, но не всегда. Она меня часто гонит, чтоб я не мешал. Как будто бы я специально мешаю. Попробуй тут помогай старшим!

За собой я всегда убираю. Сам одеваюсь, песни пою — живу очень весело.

Но это всё не большие дела. Это маленькие дела. А мне хотелось большого дела. Что-нибудь очень большое сделать. И Вовке тоже хотелось. Только мы не знали, что сделать.

Первый я придумал.

— Давай, — говорю, — во дворе каток сделаем. Все будут кататься и нас вспоминать.

Вовке эта идея понравилась.

Мы снег расчистили и дрова убрали. Потом ещё подошли ребята. Стали нам помогать. Работа вовсю закипела. Потом Шурик вдруг появился. Он посмотрел, как мы трудимся, и говорит:

— Вот, вот, прекрасно! Давайте, давайте! У меня как раз коньки новые. — Стоит и смотрит на нас.

Мы ему ничего не ответили. Мы думали, он помогать нам пришёл. А он:

— Левей, левей! Вон там ещё не расчистили. Эй, Вовка, как держишь лопату? Не так надо держать! А ты что зазевался? Рот разинул? А ну смелей!

Но тут все на него закричали: «Бессовестный, — говорят, — не хочет помочь в общем деле. Малыши трудятся, а он стоит, смотрит!»

Его чуть не побили. У нас во дворе есть ребята сильные. Они бы ему задали трёпку. А то командир нашёлся. «Левей, — говорит, — давайте». Нам таких командиров не надо. Нам помочь надо, а не командовать.

Больше всех нам помог дядя Гриша, наш дворник. Без него мы бы долго ещё трудились. Когда мы всю площадку очистили, оставалось её водой полить, дядя Гриша принёс длинный шланг, привинтил шланг к трубе, открыл кран и полил водой нашу площадку. Дядя Гриша нас здорово выручил. А то бы нам пришлось ведрами воду таскать. Хороший каток получился.

Все ребята сбежались кататься. Из другого двора прибежали. Даже Катя явилась. Тоже хочет кататься, хотя она не умеет кататься. Только Шурик один не пришёл.

Вовка мне привинтил коньки к валенкам. Так только Вовка умеет привинчивать. Я потом домой прямо в коньках пришёл. Снять-то я их сниму, а потом как надену?

Катались мы дотемна. Устали, но были очень довольны. Как-никак свой каток.

Полезное дело мы сделали. Октябратское.

Я всё папе и маме рассказывал, какое мы дело сделали. А они мне советуют скромным быть.

Про школьную ёлку

Наступил Новый год. Мне купили ёлку. Я пригласил к себе Вовку на ёлку. А Вовка меня пригласил к себе. Потом Вовка меня повёл в школу на ёлку. Вовку спросили, откуда я. Он ответил, что я приглашённый. Но я не был приглашённый.

Мне было обидно, что я неприглашённый и не такой, как Вовка в собственной школе. «Ничего, — думал я, — мало ждать осталось».

В зале стояла огромная ёлка: больше, чем на работе у папы. Было много мальчиков и девочек. Играла музыка. Все смеялись.

— А подарки дадут? — спросил я.

— Непременно дадут, — сказал Вовка.

— Красивая ёлка.

— Ещё бы!

— А много подарков дадут?

— А ты что, из-за подарков пришёл сюда, что ли?

— Нет, — сказал я — Я просто так.

— Тогда не спрашивай, — сказал Вовка.

— А танцевать можно?

— Танцуй себе сколько хочешь. Елка моя.

— Как это гак, твоя?

— Ну, наша, школьная. Всё равно. Это значит: моя и других, и третьих. Так что танцуй. Мне не жалко. Танцуй!

Я со всеми пел песни, плясал вокруг ёлки. Мне ёлка очень понравилась. Я забыл, что неприглашённый, и веселился вместе со всеми.

Потом Вовке дали подарок.

Вовка поровну разделил свой подарок: одну. половину дал мне и спросил:

— Тебе весело?

— Очень весело, — сказал я. — Это самая лучшая ёлка. Никогда я так не веселился.

Про весёлую книжку

У Вовки каникулы. Он в школу не ходит. Мы всё время с ним вместе. Вовка учит меня читать. Я все слова не могу прочесть, хотя некоторые могу. Зато Вовка всё может прочесть. Он замечательно читает. Мы вчера с ним прочли одну книжку. Он читал, а я слушал. Интересная была книжка. Про мальчика. Сначала он одеваться не мог. Его одевали папа с мамой, хотя он уже в школу ходил. Не такой уж он маленький был. Знал почти все буквы.

Это было очень смешно. Мы с Вовкой долго смеялись. Потом Вовка сказал:

— Хорошо, что мы одеваемся сами. Хорошо, что это всё не про нас. А то бы все над нами смеялись.

— Ещё бы, — сказал я. — Совсем хорошо.

Потом мы стали дальше читать. Дальше опять про мальчишку было. Про то, как он с птицей беседовал в классе. Она на окне сидела. И он с ней беседовать стал. В это время

его к доске вызвали, чтоб он повторил, что учитель рассказывал. А он не мог ничего повторить, потому что не слышал. Учитель ему единицу поставил.

Птица тотчас же улетела, а единица так в дневнике и осталась.

Вовка не дочитал до конца. Он понял, что этот рассказ про него. У него был точно такой же случай.

— Про тебя, — сказал я, — про тебя... Ну и ну!

— Может, не про меня?

— А про кого же?

Я засмеялся. Вовка совсем не смеялся. Над собой никому неохота смеяться. У него был очень печальный вид.

— Я никому не скажу, — сказал я. — Ты не бойся...

— Писатель во всём виноват, — сказал Вовка. — Только ведь чего в классе не было. Как он всё это узнал, — непонятно!

Про то, для кого Вовка учится

Вовка учится для себя, а не для других людей. Он это прекрасно знает. Да ему ещё все говорят об этом. Как будто он сам не знает.

Папа с мамой ему говорят:

— Ты для себя в школе учишься.

Бабушка говорит:

— Ты для себя в школе учишься.

Даже Шурик сказал:

— Ты для себя в школе учишься, ясно?

Вовка знает, что учится он для себя.

Но он и другим людям хочет помочь, а не только в школу ходить.

Только ему говорят: «Ты маленький. Ты подучись сначала. Потом нам поможешь как следует».

Значит, он для себя учится и для других тоже.

Про Луну и про технику

Мы с Вовкой беседовали о Луне. О том, как мы на Луну полетим. Нам хочется на Луну посмотреть, какая она. Погулять по Луне. На коньках по Луне покататься. А если там катка нет? Тогда свой каток сделаем. Мы где угодно каток можем сделать.

— Туда очень быстро лететь, — сказал Вовка, — фьють — и там.

— Так быстро? — Я не поверил.

— А ты, — сказал Вовка, — что думал?

— Я думал, дольше.

— Ты газеты читал?

— А ты читал?

— Я не читал, но знаю. Все знают, что нам на Луну лететь — фьють — и там! У нас техника знаешь какая? Космическая!

Я не знал, что такое «космическая». Но я у Вовки не стал спрашивать. Пусть не думает, что я не знаю. Подумаешь, школьник! Я осенью тоже в школу пойду. Пусть только пройдут весна и лето. А про Луну я у папы спрошу. Он лучше Вовки знает. Вовка ведь тоже газет не читает, хотя он и школьник.

Папа мне всё рассказал про Луну.

Ракета летит на Луну двое суток, а не фьють — и там.

Попался Вовка. Что теперь он ответит? Ведь он не знает!

Но Вовка совсем не смутился.

— Ну и что же, — сказал он, — Луна знаешь где?

— Известно где, — говорю, — на небе.

— В том-то и дело, что на небе.

Чего, думаю, он хитрит? Уж сознался бы. Я ему про Луну, а он мне про небо.

— ...Луна на небе. Она далеко. На поезде до неё миллион дней нужно ехать. А на ракете всего двое суток. Вот и получается: фьють — и там!

Я ему ничего не ответил.

Потому что он прав оказался.

Про весну

— Понимаешь, весна, — заявляет Вовка. — Нужно съездить за город.

— Зачем, — спрашиваю, — за город ездить?

— Там природа. Там весна настоящая. Нам учитель рассказывал. Мы только летом за город ездим. Мы весны настоящей не видели. В городе это разве весна? Давай за город поедем. Прямо сейчас!

— Сейчас уже поздно. В темноте разве весну увидишь?

— Весна ведь пахнет...

— Стоит ли из-за запаха ехать?

— А может быть, пахнет так здорово, так чудесно, ну просто, ну... удивительно.

— Так не может быть.

— А откуда ты знаешь? Ты весной за городом не был. И не говори, раз не был.

— А где мы ночевать там будем?

— В лесу, конечно. Над нами звёзды, лес, тишина кругом... А утром проснулись

— солнце из-за деревьев выглядывает. Звери, птицы, шум, гам...

— В лесу сейчас холодно.

— Мы костёр разожжём. Вот будет здорово! Костёр— это знаешь какая штука? Кругом темно, а тебе светло. И волков не нужно бояться.

— Если костёр, тогда поеду. Я давно мечтал у костра посидеть.

— У костра хорошо, — продолжает Вовка. — У костра что хочешь делай. Хочешь — сиди на костёр смотри, хочешь — разговаривай, хочешь — спи.

Вовка пошёл за чайником, чтоб на костре чай варить, а я за сухарями пошёл.

Меня поймали у двери, когда я с мешком выходил. У Вовки чайник отняли, а самого дома заперли на весь день.

Меня папа и мама всё спрашивали, куда я так поздно с мешком выходил, кому я нёс сухари. Но я им ничего не сказал. Это была наша с Вовкой тайна.

Мы с ним так решили: на будущий год подрастём немного. Я буду тогда уже в школу ходить. А Вовка уже в третьем классе будет. Так что нас могут вполне отпустить.

Про зиму и про лето

Я много болтаю, сказал мой папа. Нужно меньше болтать. Нужно больше полезных дел делать, меньше болтать.

Я совсем немного болтаю. Я только с Вовкой беседую. Мы с ним очень большие друзья, —как же мне с ним не беседовать? Мы с ним обо всём говорим. Про всё, что приходит в голову. Нам в голову всё на свете приходит. Сначала одно приходит, потом другое. Всё самое разное. Сегодня я вдруг о лете вспомнил. Потому что я люблю лето.

— Летом лучше всего, — сказал я.

— Мне зимой больше нравится, — сказал Вовка.

— Летом солнышко, загоратьможно.

— А зимой снег, можно на санках кататься.

— Зато летом купаться можно.

— А зимой можно сосульки сосать...

— Летом я уезжаю на дачу.

— Зато зимой ёлка бывает. Подарки дают. А летом ни ёлки нет, ни подарков.

— Ну и что же, — сказал я, — а летом арбузы!

— Зимой я в школу хожу, — разозлился Вовка, — а ты в школу не ходишь, арбуз!

— Ты сам арбуз! — сказал я.

Но всё-таки мне обидно было. Ведь в школу-то я не хожу. Это правда. Поэтому мне нравится лето...

Про то, как меня Вовка выручил

Я дома в буфете съел все конфеты. Очень вкусные были конфеты. Наверное, я их полкило съел, даже, может быть, больше. Я съел их, а потом испугался. Что я маме скажу, когда спросит?

Я пошёл за советом к Вовке. Так и так, говорю, вот ты мой друг; я из буфета съел все конфеты; помоги, что мне делать. Замечательные конфеты были!

— Эх, — вздохнул Вовка, — люблю конфеты! Только мне их не дают помногу. Говорят, от них зубы портятся. Но я в это не верю. Вот ты сколько съел — и все зубы на месте.

— И мне не дают. Только к чаю дают. А просто так ни за что не дают. Поэтому я и съел их... Может быть, мне отказаться? Говорить, что я их не брал — и всё? Все подумают, что конфеты пропали или их кто-нибудь съел другой.

— Как же могут конфеты пропасть? Я тоже однажды съел варенье и врал, что даже не видел его. Только мне никто не поверил.

— А вдруг мне поверят?

— Тогда тоже плохо. Все подумают, твоя Катька их съела. Мне врать можно было. Я честно врал. Я знал, что мне не поверят. Я просто так врал. Нарочно. Когда мама сказала мне: «Ты ведь врёшь!» — я сказал: «Ага, вру». — «Зачем же ты врёшь?» — спросила мама. «Просто так, — говорю, — чтоб меня не ругали». У меня всё вышло наоборот. За варенье меня не ругали, а за враньё выдрали. Вот как бывает.

— Я врать — не буду, — сказал я, — потому что мне могут поверить. Катьку буду ругать. Как же мне быть?

— Я подумаю —сказал Вовка. — Дай мне подумать.

— Пожалуйста, — попросил я, — подумай. Как можно лучше подумай.

Вовка немного подумал и говорит:

— И зачем ты съел эти конфеты? Не нужно было тебе это делать.

— Это верно, — сказал я. — Зачем я их съел? Но они очень вкусные были. Просто жуть.

— Не нужно было их есть, — сказал Вовка. — Но раз ты их съел, — сознаваться надо. Пойдём. Я скажу твоей маме всё как было. Я скажу, что ты это случайно сделал. Больше это не повторится. И пусть тебя не ругают. Потому что ты больше не будешь.

Я очень был благодарен Вовке. Он меня выручил. Хорошо иметь друга, который тебя может выручить, за тебя поручиться. А Вовка как раз такой друг. Вы же видите сами.

Про то, как мы с Вовкой расстались

Весна прошла быстро. Вовка кончил учиться. Он перешёл в третий класс. Ему папа купил путёвку в лагерь.

Мы с Вовкой долго прощались. Мне было грустно. И Вовке было грустно. Вовка всегда на дачу ездил, с папой и мамой. Он никогда не был в пионерском лагере. Он очень хотел меня взять с собой, но я должен был ехать на дачу с мамой.

Я сказал:

— Очень плохо, что ты уезжаешь.

Вовка сказал:

— И что ты уезжаешь, тоже плохо. Потому что ты не со мной уезжаешь.

— Клянусь в дружбе навеки! — крикнул я потом снял свою шапку и дал её Вовке. А Вовка мне дал свою шапку. И тоже сказал: «Клянусь в дружбе навеки!»

У нас во дворе был такой обычай. Если мы в чём-нибудь клялись друг другу, то менялись шапками. Тогда клятва считалась навеки.

Целый день я не знал, что мне делать. Вот что значит уехал друг! Я не увижу Вовку всё лето. Скучно мне будет без Вовки!

Про конец августа

Лето прошло быстро. В конце августа мы приехали с дачи. Погода стояла хорошая. Всем хотелось остаться на даче. Но из-за меня не могли остаться: нужно было готовиться в школу. Катя опять подняла страшный рёв. Она там подружилась с козлёнком и не хотела с ним расставаться. Мы её обманули: как будто козлёнок с нами поедет и будет у нас в квартире жить, как будто он будет есть суп и котлеты. И спать будет как все люди. На настоящей кровати. А гулять его будут водить на верёвочке. Как собачку. Иногда маленьких нужно обманывать. Ей бы только козлёнка дали. Остальное её не касается. Разве ей объяснишь, что мне нужно в школу, узнать, в каком классе я буду учиться. У каждого класса буква есть: первый А, первый Б, первый В, и так далее. Я очень хотел быть в первом А. Этот класс, наверное, самый лучший. Я так думал. А потом я узнал, для чего эти буквы, и очень смеялся. В школе несколько первых классов. У каждого класса своя буква, — чтобы классы не перепутали. Без букв можно все классы перепутать, не зная, в каком классе ты учишься. Лучший класс не от буквы зависит, а от тех, кто там учится. От самих ребят. Иначе и быть не может.

Мама купила мне школьную форму, портфель кожаный и будильник. Чтобы будильник меня будил в школу.

На другой день приехал Вовка. В пионерлагере Вовке понравилось. Ему там очень весело было.

— Я там в разные игры играл, — говорит. — Столько там разных игр было, что просто все игры не помню.

Я всё спрашивал:

— А ещё что там было?

— Ещё море было. Каждый день в море купался.

— И не утонул?

— Нет, конечно. Я потихонечку плавал по морю, и всё.

— По всему морю плавал?

— Не по всему, а по отдельному куску.

— Разве в море есть отдельные куски?

— Вот пристал! Это я говорю «по отдельному куску», а на самом деле там, конечно, нет никаких кусков, просто я плавал там, где все плавают.

— А ты разве плавать умеешь?

— Там, брат, всему научат. Разве можно сравнить лагерь с дачей! Лагерь лучше в тысячу раз, — сказал Вовка. — Мы теперь туда вместе поедem!

Вовка привёз ракушки и камушки, и большую раковину. Если раковину приложишь к уху, слышно, как раковина гудит. Как будто море шумит вдалеке. В первый день мы говорили столько, что больше уже не могли говорить. До того наговорились.

На второй день мы говорили меньше.

— Ну вот, — сказал Вовка, — а ты горевал. Время быстро летит. Завтра в школу. Для тебя теперь новая жизнь начнётся.

— Новая, — говорю, — это верно...

— Я буду тебя навещать, — сказал Вовка. — Приходить к вам на первый этаж. А ты ко мне на второй приходи. Только смотри, на. перилах не ездят. Это не разрешается.

— А зачем мне на перилах ездить? Совсем не нужно мне на них ездить.

— Так все говорят, а потом всё же ездят.

— Ты за меня не волнуйся.

— Я не волнуюсь. Я ведь по-дружески.

— Сказал один раз, и хватит.

Вовка подумал, потом сказал:

— Если двое вдруг нападут на тебя, ты ко мне обращайся.

— Если двое, — сказал я, — тогда обращайся. А что, часто здесь нападают по двое?

— Бывает, — ответил Вовка.

— Я не маленький, — сказал я, — но всё же ты заступайся на всякий случай.

— Главное, — сказал Вовка, — кляксы. Следи за ними.

— Как это следить за кляксами? Что, кляксы живые, что ли?

— А вот увидишь. Они ещё хуже живых.

— Ладно уж, — сказал я, — постараюсь.

Про самый последний вечер

Катя пошла телевизор смотреть, а я спать пошёл.

Мама потрогала мою голову и говорит:

— Жара нет.

— Какой ещё жар? — удивился я.

— Устраиваешь тут какие-то фокусы! Ты что, болен?

Я говорю:

— Вовсе я не болен. Просто мне завтра в школу. Завтра нужно пораньше проснуться.

Вдруг Катя встаёт со стула и заявляет:

— И я спать иду. Я хочу посмотреть, как он в школу пойдёт.

Мне, конечно, обидно стало. Что это такое? Я занятой человек. Мне нужно лечь спать раньше всех. У меня завтра важное дело. Мне завтра в школу идти. А она просто так идёт спать. Видали?

Я ей кричу:

— Тебе нечего, нечего... ты сиди!

— Не хочу я сидеть...

Всё назло делает. Это всё потому, что я в школу иду, а ей только ещё шесть лет. Она через год пойдёт в школу. А я — завтра утром.

У меня новая школьная форма. Портфель кожаный. Завтра пойду я по улице. На

меня»все смотреть будут и говорить: «Смотрите, школьник... школьник идёт...»